

Реставрируя на закате византийской культуры античную эстетическую традицию, Плифон делает в определении прекрасного акцент на *ограничении*, чего мы не находим в самой античной эстетике. Эта акцентация вполне понятна и даже закономерна в антикизирующем направлении византийской эстетики. Главное, церковно-государственное (или патриотическое) направление этой эстетики развивалось под знаком *возвышенного*, отрицающего какие-либо ограничения, пределы, конечность, — под знаком *бесконечного* и *беспредельного*. В этом направлении на первое место выдвинулась категория *символа*, который не столько сам являлся эстетическим объектом, сколько выступал посредником между возвышенным объектом и реципиентом. Главный эстетический объект патристики был недоступен конкретно-чувственному восприятию.

Античная эстетика практически не знала, а вернее, не интересовалась (во всяком случае, до неоплатонизма) подобным объектом. Ее внимание было направлено прежде всего на чувственно воспринимаемый конечный мир. Поэтому прекрасное стояло в ней на первом месте. Эстетическое томление византийцев по этому миру, собственно, и стало одной из причин {425} появления антикизирующего направления в их культуре и эстетике. И вот, чтобы отделить чувственно воспринимаемый эстетический объект от возвышенного и недоступного чувственному восприятию объекта, Плифон и вводит в античное определение *прекрасного* понятие *ограничения*, чем, кажется, косвенно пытается разграничить *прекрасное* и *возвышенное*.

Итак, антикизирующее направление византийской эстетики на последнем этапе существования империи демонстрирует нам необычайную полноту и богатство эстетического сознания, освоившего богатейшее наследие античной и византийской культур, его активную жизнь при отсутствии каких-либо принципиально новых находок и открытий, но и без признаков застоя и деградации.

Несколько иная картина наблюдается в церковно-монастырском направлении поздне-византийской эстетики. Здесь мы тоже не найдем каких-то новых открытий, но новизна — характеристика, вообще мало что дающая при изучении культур средневекового, принципиально традиционалистского типа. Для главного и в этот период церковно-монастырского направления (особенно палеологовского времени) характерны не академизм или новизна, но предельная напряженность глубинной духовности, ее необычайная концентрация в культуре, искусстве, личности и эстетическом сознании эпохи. И как следствие, ее выплески в экстатических формах то паламизма, то изобразительного искусства, то повсеместного увлечения мистикой.

У последних отцов византийской церкви, многие из которых были приверженцами строгой аскезы, умного делания, глубинного мистического созерцания, с новой силой звучит в общем-то традиционный для этого направления мотив *духовного наслаждения*. И причины этого в целом вполне понятны; они во многом — следствие наметившегося в поздней Византии кризиса средневекового сознания, которому активно содействовали внешние влияния из предренессансной Италии и развитие антикизирующего направления внутри самой империи. Церковь, ощутив реальную угрозу утраты приоритета в духовной культуре, теснее сомкнулась со своим духовным резервом — монашеством. Монастырская духовность выплеснулась за стены обителей, наполнила и оживила на какое-то время жизнь государственной церкви. Одна из наиболее утонченных форм христианской мистики, духовного созерцания — исихазм — оказалась вдруг в центре внимания духовной культуры, полемика о мистических феноменах всколыхнула всю империю. В качестве защитной реакции на двойную угрозу обмирщения и окатоличивания (перед ними меркла даже угроза мусульманского нашествия) православная духовность обретает более острые мистико-эстетические формы, теснее смыкается с эстетической сферой. Религиозная духовность предельно эстетизируется, искусство наполняется повышенной религиозностью. Этот процесс, протекавший в глубинах культуры, нашел свое выражение и закрепление и в сочинениях последних отцов византийского православия.

Идея блаженства, духовного наслаждения с новой силой выдвигается ими в качестве цели и важнейшего стимула религиозной жизни — «жизни во Христе». Будучи монахами, и притом строгой исихастской ориентации, главные теоретики этого направления Григорий Синаит, Григорий Палама, Николай Кавасила в первую очередь проповедовали радости и наслаждения аскетической жизни — вне мира, целиком и полностью посвященной умному деланию и духовному созерцанию, которое в представлении {426} исихастов существенно отличалось

Файл byz3_427.jpg

Стамбул. Фетхие Джамии. Начало XIV в.
Общий вид мозаики апсиды